

ко наедине с самим собой. Тот, кто не согласен с тем, что он думает, необратимо лишен способности думать.

С.С. МЕРЗЛЯКОВ

Феномен ностальгирующего сознания

Аннотация. В статье рассматривается феномен ностальгии в антропологическом и социальном контекстах. Автор указывает на то, что ностальгия сегодня является не только субъективным переживанием, но и способом управления человеком. Анализируются феномен чужой ностальгии, ставшей для человека своей, а также феномен «ностальгии по будущему» и влияние ностальгии на социальную идентичность.

Ключевые слова: ностальгия, прошлое, идентичность.

Abstract. The article examines the phenomenon of nostalgia in the anthropological and social contexts. The author points out that nostalgia today is not only a subjective experience of a person, but also a way of managing a person. The article considers a phenomenon of another person's nostalgia, which has become one's own for a person, and the phenomenon of «nostalgia for the future». The author analyzed the influence of nostalgia on social identity.

Key words: nostalgia, past, identity.

УДК 111

ББК 65в

Гражданин Кейн

Фильм Орсона Уэллса «Гражданин Кейн» начинается смертью одного из самых богатых людей Америки — медиамагната Чарльза Кейна. Перед смертью в своем дворце Кейн произнес странную фразу: «Бутон розы». Журналист получает задание выяснить, что значили эти предсмертные слова самого влиятельного человека Америки. Начинается исследование жизни гражданина Кейна.

Кейн родился в бедной семье. После того, как на их земле нашли золото, мать отправляет ребенка получать хорошее образование — Кейн расстается с семьей. Когда Чарльз вырос, состояние перешло

к нему, и он стал редактором небольшой газеты, которая через десятилетия превратилась в медиаимперию. Со временем Кейн стал одним из самых влиятельных людей Америки. Миллионы людей его любили, еще больше — ненавидели. Он женился на племяннице президента и баллотировался в губернаторы. Он был человеком, от которого зависели история мира и судьба нации. Одни называли его фашистом, другие — коммунистом, он себя считал настоящим американцем. Кейн развелся с племянницей президента и женился на бесталанной певице, для которой построил театр. Она петь не умела и, поняв это, возненавидела сцену, но Кейн хотел, чтобы она пела в специально построенном для нее театре, несмотря на насмешливые отзывы зрителей, потому что она на сцене — это его победа и его желание; и он тот, кто управляет мнением людей. Поэтому она продолжала выходить на сцену.

Когда-то в молодости он создал газету для того, чтобы помогать бедным — это было время идеалов. Спустя годы на место идеалов встала просто борьба за мнение народа. Теперь люди думали то, что он им говорил. Его мир — это мир власти, богатства, забытых идеалов, борьбы против чьего-то еще мнения — жестокий мир капитала. Казалось, он получал все, что хотел: Кейн жил в огромном замке, полном античных статуй и картин великих художников прошлого и настоящего.

Но где искать то, к чему относились его предсмертные слова? Что было настолько важным для гражданина Кейна, что он сохранил это до самого последнего момента? Его первая жена? Или вторая? Мнение людей? Деньги? Древние статуи, заполнявшие его дворец? Картины? Друзья? Его работа, его власть? Как среди хлама его жизни найти то единственное, что заслужило его последние слова? Журналист так и не узнал, что значили последние слова Кейна.

В последних кадрах фильма показаны залы, заполненные античными статуями, коврами, картинами, вазами и сувенирами со всего мира. Рабочие прибираются — они сжигают мусор, который не представляет ценности: сломанная мебель, доски, коробки — весь хлам отправляется в печь. В печи горят и детские санки Кейна, на которых написано: «Бутон розы».

Как в хаосе человеческой жизни найти то, что действительно было важно для него? Другой не может обнаружить то, что является для нас самым важным, потому что наша ностальгия надежно скрывает это часто и от нас самих. Лишь иногда ностальгия покалывает — мы оглядываемся назад на свою жизнь и вдруг понимаем, где находятся

точки, которые вызывают у нас сильную эмоцию. И эта эмоция является одним из самых сильных переживаний в нашей жизни.

Ностальгия — это не прошлое, но его реконструкция сознанием, которое меняет реальность. Если ностальгия — не только прошлое, то и зависит она не только от того, что было, но и от того, что в данный момент есть. Что вызывает ностальгию? Например, вещь. Но тогда кто вызывает ностальгию? Тот, кто показывает эту вещь. Властью обладает тот, кто решает, какие вещи предъявлять ностальгирующему сознанию, и при этом верно угадывает с выбором. Ностальгическое переживание — очень сильная эмоция, которая оказывает значительное влияние на поведение человека, деформирует его и часто определяет. В этом случае ностальгия — не только интимное пространство человека, но и способ управления им. К таким способам управления можно отнести «ностальгический маркетинг», который использует чувство ностальгии для того, чтобы продавать нам товар, и «ностальгический социальный конструктивизм», который использует наше ностальгическое переживание в социально-политических целях.

Какие формы принимает ностальгическое переживание? Что является результатом ностальгического взбрыкивания сознания? Как управлять ностальгией и что произойдет, если делать это слишком настойчиво?

Чужая ностальгия

В фильме Вуди Аллена «Полночь в Париже» молодой голливудский сценарист приезжает со своей невестой и ее родителями в Париж. Ему надоело писать сценарии для фильмов и сериалов и получать за это хорошие деньги. У него есть мечта — он хочет написать книгу. И уже придумал сюжет — книга будет про магазин «Ностальгия», в котором продаются старые вещи. Он американец, но любит Париж и хочет остаться здесь, чтобы ходить по тем кафе, в которых делали наброски для своих книг Хемингуэй и Фицджеральд. Он любит гулять под дождем по парижским улочкам и не любит псевдоинтеллектуалов. А его невеста и ее родители любят дорогие вещи и не любят гулять под дождем. Он тоскует по тому времени, когда в Париже создавалась настоящая литература, писали полотна Пикассо и Матисс — он грезит по «эпохе бури и натиска» в литературе и искусстве. А ему с намеком рассказывают о теории золотого века как психологической девиации. Хотя, возможно, это и не девиация вовсе, а просто возвышенный исторический опыт. Если ты мечтаешь написать великий роман и гулять под дождем по Парижу, а твоя будущая жена вместо дождя выбирает модный бутик, то «субъективный исторический опыт вполне может

спровоцировать чувство утраты и ностальгии по прошлому, более желанному, нежели настоящее, и тогда частица возвышенного исторического опыта распространится на субъективный опыт» [1, 369].

Его ностальгия по давно прошедшему оказалась сильнее реальности. Заканчивается фильм тем, что голливудский сценарист расстается с невестой и остается в Париже.

Важно то, что этот молодой американский сценарист ностальгировал по чужому прошлому, которое непосредственно к нему никакого отношения не имеет. Он грезил по тому времени, в котором не существовал. Оказывается, человека может уколоть чужая ностальгия — чужая ностальгия может стать твоей.

Нобелевский лауреат Эрик Кандель с тоской вспоминает свое детство в Вене. Он был ребенком, когда его семье пришлось уехать в Америку после того, как в Австрии пришли к власти нацисты. Но тоскует он не просто по безмятежному детству, его тоска гораздо сложнее — он тоскует по тому, чего в его жизни никогда не существовало.

Вена первой половины XX в. — центр мировой интеллектуальной и культурной жизни. Этот город был пропитан свободой и жаждой нового — здесь создавались искусство, наука и философия. В университетах, кафе и парках велись дискуссии, которые затем превращались в философские концепты, литературные произведения и научные теории, которые меняли сознание людей и историю. Это время Витгенштейна, Поппера, Венского кружка, Фрейда и Хайека.

Именно эту Вену вспоминает Эрик Кандель — он тоскует по тому месту, которое не успел почувствовать. Чтобы утолить свою тоску по «эпохе бури и натиска», Кандель читал книги, которые писались по следам, оставленным разговорами в венских кафе и парках. И это чтение пробуждало в нем тоску по интеллектуальной жизни, о которой он слышал, но к которой так и не приобщился [4, 75]. Чужая «эпоха бури и натиска» вызывает у Канделя ностальгию. Поэтому он вспоминает слова из фильма «Вена» Орсона Уэллса: «Человек, который по-настоящему любит Вену, живет чужими воспоминаниями. С горько-сладкой болью ностальгии он вспоминает вещи, свидетелем которых никогда не был». Чужая ностальгия стала своей для него.

Земляничная поляна

В фильме Бергмана «Земляничная поляна» старому профессору снится сон, в котором он идет по безлюдному городу. Сначала он видит часы без стрелок, а потом самого себя в гробу. Ему становится страшно. Профессор просыпается, торопится к окну, отдергивает што-

ры — солнечный свет озаряет его. Профессор увидел сон и понял, что его время уходит. А раз он это понял, то жизнь его меняется.

Этот профессор — страшный педант и затворник. Он устал от пустых разговоров с людьми, поэтому к концу жизни остался один. Завтра ему вручат почетное звание в другом городе. Но сегодня он увидел странный сон, поэтому вместо того, чтобы педантично и по плану собираться в дорогу, он ругается с экономкой и меняет правила игры — это «бунт педанта» — он доберется до места самостоятельно. Старик начинает бунтовать против настоящего.

Он едет в машине со своей невесткой и по пути то попадает в свое прошлое, когда воспоминания охватывают его, то возвращается обратно в реальность к невестке и случайным попутчикам. Сам Бергман говорил об этом фильме: «Я делал его, как бы заново переживая свою жизнь, подводя ей итог» [2, 209]. И Старик действительно заново переживает свою жизнь и вспоминает молодость — лето, солнце, ссоры и разочарования, ему улыбается его первая любовь, он видит своих родителей. Ностальгия вырвала его из реальности всего на один день и изменила настоящее — он помирился с сыном, подружился с невесткой, ему больше не снится страшный сон.

Не обязательно быть стариком, чтобы испытать это чувство. Так всего лишь вкус печенья заставил Пруста вернуться в далекое прошлое своего детства и написать «В поисках утраченного времени». Ностальгическое переживание укалывает и нас, когда мы, например, иной раз подходим к книжному шкафу, достаем старую пыльную книгу, перелистываем страницы и смотрим на записи, которые когда-то давно мы сделали на полях. Эти вопросительные и восклицательные знаки, подчеркнутые предложения и записи на форзацах похожи на развалины древней цивилизации — величественные руины прошлого. Здесь сознание возвращается в свою «эпоху бури и натиска», когда искало ответы на какие-то свои вопросы и, возможно, даже находило их. Этот старый мир «действует на тебя как жизненный стимул» — ностальгическое взбрыкивание сознания напоминает ему о былых заслугах.

Однако у старика ностальгическое переживание острее, потому что «эпоха бури и натиска», куда ностальгирующее сознание желает вернуться, уже в прошлом. А молодость наивно думает, что его «эпоха бури и натиска» еще впереди.

Старики тоскуют по идентичности, т. е. по времени, когда было ясно кто ты и с кем ты, — противостояние тоже может быть частью ностальгирующего сознания. Слотердаик пишет о послевоенной тоске солдат: «Они, испытывая ностальгию по войне, выразили это понимание в таком представлении: солдаты отличаются героизмом, прямоотой,

твёрдостью, храбростью, стойкостью, способностью с достоинством повиноваться, нести службу, выносить тяготы и лишения — одним словом, они мужественны». Ностальгия стариков — это тоска по порядку, ясности и мужественности: «Ностальгия по войне была, кроме всего прочего, реставрацией мужественности, но в ещё большей степени реставрацией уходящего в прошлое социально-психологического типа — ”однозначного характера”» [6, 619]. Поражение государства и коллективная поруганная честь заставляют ностальгирующее сознание возвращаться туда, где никакого поражения ещё не случилось. Ностальгия требует справедливости. Однозначность характера, идентичность и справедливость — вот на что направлена ностальгия старика.

Ностальгия по будущему

Старик сидит в кресле, положив руку на потрепанную книгу, — он в поисках порядка и идентичности предаётся ностальгии по ушедшей эпохе бури и натиска. Старик грезит о справедливости. А в это время его внук идет по улице в компании молодых людей и требует свободы и... справедливости. Их глаза горят — в них идеалы, т. е. грезы о справедливом будущем. В чем разница между стариком и его внуком? Отличаются ли воспоминания о «золотом веке» от мечты о нем? Кажется, что и там, и там ностальгия: в первом случае по прошлому, а во втором — по будущему. Ностальгия всегда направлена на недостижимый в настоящем идеал, и не имеет принципиального значения, в каком из двух направлений времени этот идеал находится.

Ностальгия по будущему блестит в глазах молодых людей, идеалистов и романтиков, которые рвутся в светлое будущее, в космос, к звездам; ностальгия по прошлому читается в наших глазах, когда мы перелистываем страницы давно забытой книги и воскрешаем в своей памяти давние битвы сознания. Ностальгия — это «идеальное вчера», которое похоже по своей природе на «идеальное завтра». Вчерашняя ностальгия по будущему завтра станет ностальгией по прошлому. Наши сегодняшние идеалы когда-нибудь напомнят нам о себе в чувстве ностальгии по «эпохе бури и натиска» нашего сознания. По большому счету, идеалы и ностальгия — это одно и то же. «Каждый имеет право на идеал» — это значит и то, что «каждый имеет право на ностальгию».

Ностальгия — революция в сознании, бунт против реальности. И старик, и его внук требуют справедливости и свободы. Однако это разные справедливости и разная свобода. Для одного справедливость и свобода — пересмотр давних поражений, возвращение в когда-то великое прошлое, для другого — залог будущих достижений. Они хотят

свободы и справедливости, поэтому бунтуют против реальности. «Однако приходит время, — пишет Камю, — когда справедливость требует временного отказа от свободы. И тогда революция завершается большим или малым террором. Всякий бунт — это ностальгия по невинности и призыв к бытию. Но в один прекрасный день ностальгия вооружается и принимает на себя тотальную вину, то есть убийство и насилие» [3, 199].

Но если нужно отказаться, пусть и временно, от свободы для всех, то кто из этих двух заплатит собой за ностальгию другого: старик или его внук? На кого из этих двух будет направлено насилие? Чьи идеалы выбрать, когда сталкиваются две ностальгии? Чью ностальгию придется придать забвению? Если ностальгия по прошлому становится манией всего общества, то ответ очевиден — внук заплатит за ностальгию старика. Но, может быть, чужая ностальгия станет своей для внука? Возможно, призыв к справедливости ностальгирующего по прошлому сознания найдет отклик в сознании молодого поколения? В конце концов, ностальгия — одна из форм коллективной памяти, которая объединяет общество с помощью идеалистических образов прошлого.

Ловушка несправедливости и война поколений

В сегодняшней России ностальгическое переживание становится чем-то вроде государственной идеологии. В этом есть известный парадокс: ностальгия по прошлому становится идеалом, направленным в будущее. Для этого есть некоторые основания. Во-первых, непростая внешнеполитическая ситуация заставляет государство реализовывать мобилизационный сценарий, который предполагает, в том числе, и милитаризацию дискурса. Распространение в обществе идей возвращения утраченного величия, придание армии статуса элитарного института, мифологизация прошлых достижений и другие элементы социального конструктивизма, которые основаны на идее «золотого века», позволяют государству более уверенно выстраивать диалог с другими странами. Во-вторых, ностальгическое переживание является важным элементом коллективной идентичности и связи между поколениями. В идеализации прошлого есть и значительная экономическая составляющая: чем выше потребность людей в восстановлении статуса государства, тем проще перераспределять ресурсы в пользу оборонной промышленности, которая приносит реальный доход и является источником современных технологий. Ностальгирующая Россия сегодня выгодна государству.

Использование государством ностальгических переживаний облегчается наличием запроса на восстановление справедливости (прежде всего, относительно статуса государства в международных отношениях) и наличием неформальных институтов, возникших в прошлой системе и до сих пор сохранившихся в нынешней.

Однако ностальгическая форма исторического сознания является опасным результатом социального конструирования. Во-первых, при откате системы к прошлому ее варианту Россия рискует снова попасть в ситуацию противоречия формальных и неформальных институтов. Если новое поколение уже усвоило неформальные правила, противоречащие доминирующим в обществе и унаследованным из прошлого неформальным моделям поведения, то при откате системы назад возникнет противоречие, которое актуализируется, когда это поколение займет главные позиции в обществе. А это рано или поздно случится — и снова придется ставить вопрос об идентичности и выборе пути. Это уже повод поговорить о попадании в неприятную колею развития.

Во-вторых, определяющее значение истории в жизни государства, т. е. прошлого, само по себе опасно для развития, потому что «при некотором избытке истории жизнь разрушается и вырождается, а вслед за ней вырождается под конец и сама история». Ницше описывал эту проблему следующим образом: «...когда история служит минувшей жизни так, что подрывает дальнейшую жизнь, и в особенности высшие ее формы, когда историческое чувство народа не сохраняет, а балластирует жизнь, — тогда дерево умирает, и притом, вразрез с естественным порядком вещей, умирает постепенно, начиная от вершины и кончая корнями, которые обыкновенно также в конце концов погибают» [5, 110]. То есть для развития общества важна не только историческая память, но и способность оставлять прошлое. Существует граница влияния прошлого на настоящее, «за пределами которой прошедшее подлежит забвению, если мы не желаем, чтобы оно стало могильщиком настоящего». Даже если ностальгия старшего поколения может стать своей для поколения нового, то это не является с необходимостью позитивным результатом развития общества, потому что ценности, ориентированные на прошлое, уступают в эволюционной борьбе ценностям, ориентированным на будущее. Если старшее поколение ностальгирует по порядку, а стране нужно снижать уровень неприятия неопределенности, то налицо конфликт ценностей.

В-третьих, идя по пути идеализации прошлого, Россия рискует попасть в «ловушку несправедливости». Одним из главных эмоциональных стимулов отката в прошлое является потребность в справед-

ливости. Эта потребность старшего поколения понятна с точки зрения тех деформаций, которые происходили в российском обществе последние десятилетия. Однако оплачивать эту справедливость будет нынешнее поколение. Не покажется ли ему это когда-нибудь несправедливым? Одной из главных задач, стоящих перед современной Россией, является недопущение войны поколений, которая в условиях интенсивной реконструкции прошлых ценностей и моделей поведения становится все более реальной. Поэтому сегодня крайне актуальной становится идея компромисса. Компромисс — это когда обе стороны понимают друг друга и идут на взаимные уступки. В этом случае общая идентичность поколений сохранится.

Резюме

Ностальгия является одной из самых сильных эмоций. И этой эмоцией можно управлять — чужая ностальгия может стать твоей. Во многом будет верным утверждение: «Кто управляет ностальгией человека, тот управляет человеком». Однако ориентация на прошлое не только не всегда полезна, но часто мешает развитию. Особенно это актуально для современной России.

Литература

1. Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Издательство «Европа», 2007.
2. Бергман И. Бергман о Бергмане. Ингмар Бергман в театре и кино. М.: Радуга, 1985.
3. Камю А. Бунтующий человек // Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990.
4. Кандель Э. В поисках памяти: Возникновение новой науки о человеческой психике. М.: Астрель; CORPUS, 2012.
5. Ницше Ф. Несвоевременные размышления. СПб.: Азбука, 2014.
6. Слотердайк П. Критика цинического разума. Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ, 2009.

References

1. Ankersmit F.R. Vozvyshennyj istoricheskij opyt. M.: Izdatel'stvo «Evropa», 2007.
2. Bergman I. Bergman o Bergmane. Ingmar Bergman v teatre i kino. M.: Raduga, 1985.

3. Kamju A. Buntujushhij chelovek // Kamju A. Buntujushhij chelovek. Filosofija. Politika. Iskusstvo. M.; Politizdat, 1990.
4. Kandel' Je. V poiskah pamjati: Vozniknovenie novej nauki o chelovecheskoj psihike. M.: Astrel': CORPUS, 2012.
5. Nicshe F. Nesvoevremennye razмышlenija. SPb.: Azbuka, 2014.
6. Sloterdajk P. Kritika cinicheskogo razuma. Ekaterinburg: U-Faktoriya, M.: AST, 2009.

Г.А. ЛОГИНОВ

Эффективность как определяющая ценность постмодерна

Аннотация. Исследуется феномен эффективности как ключевого принципа и определяющей ценности в обществе постмодерна. Рассматриваются различные аспекты доминирования эффективности: от последних тенденций в индустрии обработки данных до политики и религии. Показывается несколько основных опасностей неограниченной погони за эффективностью. Наиболее фундаментальной тенденцией в процессе «эффективизации» является экспансия человеческой деятельности за пределы человеческого жизненного мира. Это угрожает не только человеческой идентичности, но и самой сущности разума и мышления.

Ключевые слова: эффективность, постмодерн, модерн, наука о данных, машинное обучение, эффективный рынок, совершенная конкуренция, жизненный мир (Lebenswelt), трансгуманизм, «загрузка сознания», гуманизм.

Abstract. The phenomenon of efficiency as the key principle and the determining value in the postmodern society is investigated in the article. Different aspects of the dominance of efficiency are considered: from recent tendencies in the data science industry to politics and religion. The several major dangers of the unlimited pursuit of efficiency are shown. The most fundamental tendency in the process of «effectivization» is the expansion of human activity beyond the human lifeworld. It threatens not only the human identity but also the very essence of mind and thinking.

Key words: efficiency, postmodernity, modernity, data science, machine learning, efficient market, perfect competition, lifeworld (Lebenswelt), transhumanism, mind uploading, humanism.